

Покровский Борис Александрович

28.09.96.

Нынешним музыковедам, слава Богу,

Вет. клуб. - 1996. - 28 сент. - с. 1

уже не надо петь на мотив «Сулико»

Настолько неформально, насколько это умеет делать Борис Покровский, 25 сентября в Камерном музыкальном театре отметили 90-летие Шостаковича. Перед началом представления вышел хозяин и напомнил, что Дмитрий Дмитриевич тоже приложил руку к тому, чтобы этот странный театрик в подвальчике бывшего кинотеатра “Сокол” все-таки состоялся. Ведь оперный мини-театр Покровского запрещали все, кто имел власть запрещать. Запрещали до тех пор, пока однажды на каком-то очередном вынесении вердикта прямо в зрительном зале из угла (Покровский даже показал, из какого) не донесся спасительный голос вошедшего в историю лейтенанта: “У министра внутренних дел на столе лежит письмо Шостаковича: он просит, чтобы здесь был театр!”

Десять песен Шута к акимовской постановке “Короля Лира” (1940 г.) и “Стихи капитана Лебядкина” (1974 г.) испол-

нил Алексей Мочалов. Мог бы Шостакович написать и оперу “Бесы”, но, надо полагать, сильно намучился бы с тогдашними властями. Да и комплексы его одолевали, малопонятные сегодняшнему поколению, для которого этот композитор уже где-то в заоблачном обиталище гениальнейших людей всех времен и народов. Так, Борис Александрович рассказал байку времен 70-х об опере “Игроки”, также прозвучавшей в этот вечер. Почему Шостакович не закончил ее? (Когда начал писать — неизвестно), Сочинял “по Даргомыжскому”, то есть на полный сплошной текст Гоголя, с соблюдением человеческих интонаций в музыке. Вдруг почувствовал ему, что длинна будет опера-то. Дмитрий Дмитриевич позвонил в Большой театр с вопросом (на этот звонок можно представить себе самую разнообразную реакцию): “Сколько по времени идет “средняя” опера — “Евгений Онегин”, на-

пример, или “Пиковая дама”? Услышав ответ, сказал “ой-ой-ой!” и повесил трубку. И бросил писать “Игроков”. А знакомым жаловался на самого себя: “Нет опыта, нет опыта!.. Не мог рассчитывать, не мог рассчитать...”

И в день рождения композитора Покровский придумал такой ход: на месте, где парти-

тура “Игроков” обрывается (последнее рассказ о помещике Дергунове на словах “...и кончился банк”), в спектакль агрессивно вторгается толпа борцов с формализмом (читай: с самим Шостаковичем): крикливые тетки в шляпках, немые кагэбешники в шляпках, мужики-валенки, которым только бы поорать, ну и, конечно, те, которые лучше всех понимают, куда ветер дует. На фоне кумачового плаката “Долой фармОлизм!” выступают три музыковеда. И Музыковед номер один угадывается сразу: с усам, попыхивающий трубкой, он с кавказским акцентом на мотив “Сулико” распевает свою демагогическую бодягу на тему того, что “народные композиторы пишут реалистическую музыку, а антинародные композиторы пишут формалистическую музыку”... И все это саркастическо-сатирическое действо называется “Антиформалистический раёк”, и писал его Шостакович в стол, себе в утеху, для личной

забавы, расправляясь со смертельно опасными обидчиками единственно доступным ему путем.

Смотришь на сцену — смешно, история ведь уже. Чуть вдуматься — горько, горше не бывает. И этому бытло дано было право погонять искусство палкой? Вот в “Игроках” герои-картежники (это гениальный по музыке, очень смешной кусок) спорят: весь или не весь человек принадлежит обществу? Теперь, когда дали нюхнуть свободы, до которой не дожил Шостакович, и у нас поняли: не весь! Принадлежит — сколько сам желает, а дальше — ни-ни. Надолго ли поняли?

Наталья ЗИМЯНИНА.

На снимках: Борис Покровский. Он закончил юбилейную речь так: “Очень хочется походить на него в морали, чтобы чувствовать себя честным гражданином”.

Фото
Евгения БУРМИСТРОВА.